

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ В СЕРБСКИХ БЫЛИЧКАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ)

Говоря о представленности отдельных фольклорных жанров в живой устной традиции, можно отметить, что новейшие полевые исследования, проведенные на территории Сербии, ясно демонстрируют следующую картину: многие жанры, которые в первой половине XIX в. достигли высокого эстетического уровня и в этой идеальной форме засвидетельствованы в сборниках народной поэзии или прозы Вука Стефановича Караджича, сегодня переживают полную эстетическую деградацию. Достаточно сравнить эпические песни о Первом сербском восстании из четвертой книги Вука и эпические песни о последних войнах на Балканах, в которых нарушается строгая форма десетерца, а рифма почти обязательна. С другой стороны, устные предания, особенно былички, которые никогда не удаивались статуса «высокого жанра», показали себя одним из самых жизнеспособных жанров народного творчества.

Сам жанр былички получил четкое определение лишь в 1960-е г. Быличкой ныне называется повествование о встрече человека с мифологическим персонажем (МП), задачей которого становится подтверждение существования МП. Именно потому, что быличка рассказывает о встрече с МП, в истории собирания сербского фольклора у нее была особая судьба.

В конце XIX – начале XX в., когда в Сербии начался интенсивный сбор фольклора, подобные тексты воспринимались не как произведения устного народного творчества, а, в первую очередь, как этнографический материал. Сюжетные рассказы о встрече с МП публиковались в Сербском этнографическом сборнике (СЭЗ) в рубрике «Народные суеверия» вместе с описаниями народных представлений о демонических существах. В большинстве случаев они подвергались литературной обработке, и целый ряд особенностей повествования, свойственных устному жанру, в них снимался.

Лишь с 1960-х гг. в сербской фольклористике подход к фиксации быличек в корне изменился: они стали рассматриваться как произведения фольклора, что соответствует точке зрения, принятой в современной славянской фольклористике.

Возможно, одну из причин необычной жизнеспособности этого жанра стоит искать не в подтверждении веры в мифологическое существо, а в закономерностях самого устного повествования, соглас-

но которым оформляется каждый отдельный рассказ, тесно связанный с речевой ситуацией, из которой выделяется и в которую вновь вливается быличка. То, что быличка действительно художественный жанр, использующий эстетические средства, характерные для художественной литературы, только подчиненные закономерностям устного повествования, мы попробуем показать на примере двух вариантов одного сюжета о вампире, записанных в одном из сел Центральной Сербии от двух информантов.

Распространенное в Сербии поверье о том, что вампир может в облике человека вернуться домой, продолжать участвовать в домашних делах и выполнять супружеские обязанности, в результате чего могут родиться дети, которых называют Вампировичи, записано в двух вариантах в селе Горная Трнава. Вот как каждый из рассказчиков с помощью комбинирования глагольных форм оформляет один и тот же сюжет.

Первый рассказчик, Драголюб Вукич, 1897 г. рождения, рамочную ситуацию дает в перфекте: «Повампирио се један човек и отишао у кућу жени, и боравио у кући и помага, радио. А кад су отишли он и жена да дену сено, он се попо те део сено, а жена додавала». Затем, в тот момент, когда обычное поведение персонажа переходит в необычное, повествователь использует прямую речь в настоящем историческом времени: «Каже он: “Иди, донеси ми воде да пијем”, – дошло му да дави».

Заметим, что здесь комментарий рассказчика «дошло му да дави» дан в перфекте, как и все, что относится к речи повествователя. Жена говорит, что пойдет позже, когда закончит работу, а муж просит ее пойти сразу и советует ей взять палку, потому что по дороге на нее может напасть собака. Женщина идет за водой, на нее нападает собака и хочет ее укусить, она защищается, и собака отрывает зубами край ее юбки. Весь эпизод о собаке рассказывается в перфекте. Женщина возвращается с водой, муж сидит на сене: «Од воде после дотрчала горе, он на сену: “Мен умало не исцепа куче!” “Па реко ти ја”, – он да јој каже, а оно виси од сукње, из зуби њему». Для этого рассказчика самый драматичный момент наступает в финале, когда вампир разоблачает себя. Поэтому он переходит на настоящее историческое время, тем самым максимально драматизируя повествование: «он да јој каже, а оно... што је могло да се каже и као – кад је он хтео да јој каже, видело се да му између зуба виси...»

Второй рассказчик – Милан Симич, 1919 г. рождения. Тот же сюжет он оформляет совсем иначе. Во-первых, он начинает с фактов: «Био један у Чумићу, па се обелоданио. И дошао са женом, купио сено». В

тот момент, когда драматизм нарастает, рассказчик переходит на настоящее историческое: «И иде да донесе воду... Њих сада зову Вампировићи. Иде да донесе воде, па отишао мало, врдно, па се претвори у куче». Описывая момент проявления демонической природы, рассказчик переходит на аорист, из всех глагольных форм обладающий наибольшим драматическим эффектом, поскольку он означает только что законченное действие. Таким образом рассказчик ставит слушателей в положение свидетелей. Рассказывая о том, как собака напала на женщину, повествователь в основном пользуется настоящим временем, комбинируя его с перфектом. А в момент узнавания рассказчик снова вводит аорист: «“Шта ти је” – “Јој, исцепа ме кучиште неко”. А он се насмеја, а оно око зуби од њене сукње конци висили. Она приметила».

Если сравнить эти два повествования, станет очевидно, что один и тот же сюжет в интерпретации двух рассказчиков различается. Если первый рассказчик делает акцент на факте узнавания вампира, то второй подчеркивает его злую демоническую природу. Муж-вампир в первом варианте остается супругом, предупреждающим жену об угрожающей опасности от него самого, тогда как во втором варианте он прежде всего опасный демон, желающий навредить.

Тот же процесс смены глагольных форм в устном повествовании можно проследить и в более широком контексте, сравнив сербские и русские былички.

Один из общих мотивов, встречающихся и в сербских, и в русских быличках, – мотив «ходячих покойников». И в сербской, и в русской традиции обычно «ходячими покойниками» становятся те, кто умер внезапно, оставив что-то на этом свете незаконченным. Это те, кто погиб на войне; злые люди, души которых приходят, чтобы напасть своим близким, или те, кого близкие слишком сильно оплакивают. Причина, по которой покойник и после смерти возвращается на землю, обычно излагается в начале былички, сразу после подтверждения достоверности (кто, когда, кому и по какой причине рассказывал о случившемся, является ли событие достоянием чужого или личного опыта).

Вот как рассказчица 390-й былички из сборника В. П. Зиновьева объясняет собственный опыт: «Нас у матери было трое. Брат старший женился, а мать невестку невзлюбила. Но она (мать) скоро умерла. Брат отдельно жил...» Обратим внимание на повествовательный прием: обрамляющий текст передан в прошедшем времени, но уже в следующем предложении, когда появляются первые признаки сверхъестественного, рассказчица переходит на формы на-

стоящего исторического от глаголов несовершенного вида: «Вот они садятся кушать – откуда-то с потолка кал конский падает...»

К сходному приему прибегает и сказитель из окрестностей Тополы в Центральной Сербии, рассказывающий о том, как умерла молодая женщина, оставив маленького ребенка: «Я слышал от моей бабушки, что тут, чуть выше моего дома, был какой-то Зака Зузулич, у него умерла жена и остался ребенок. Они похоронили женщину и вернулись домой на ужин, сели за стол». Исходная ситуация изложена, как и в предыдущем примере, в прошедшем времени, а уже в следующей фразе, именно в тот момент, когда появляется первый признак сверхъестественного, повествователь переходит к другой глагольной форме: «Только они сели и начали ужинать, открылись ворота: “Бух” – и эта женщина умершая – идет».

Здесь рассказчик употребил аорист (*отвори се* – открылись), глагольное время, означающее только что произошедшее действие. В повествовании аорист обычно используется, чтобы усилить драматичность происходящего.

В восточносибирской быличке из сборника В. П. Зиновьева, состоящей из двух эпизодов, рассказчица, объясняя далее причины прихода покойной матери именно к ней, использует прошедшее время, но сразу переходит на настоящее историческое в описании личной встречи с сверхъестественным, переходя. Далее в повествовании о страшной встрече с «ходячим покойником» непрерывно чередуются обе эти глагольные формы, усиливая динамику и драматизм.

«А меня она, мать, сильно, больше всех любила. Один раз я сижу вечером. Ночь была светлая, лунная. Смотрю – идет мать во всем том наряде, в котором ее похоронили. Сначала все хозяйство проверила, идет потом прямо к квартире, а я сижу у окна. Вдруг ветер сильный поднялся, открывается окно. Она заходит в избу и говорит: “Пойдем со мной”».

В приведенной выше быличке из Центральной Сербии рассказчик переходит на прошедшее время сразу после введения в повествование сверхъестественного существа и заканчивает рассказ в прошедшем времени, смягчая эффект страха и напряженности. И это не случайно: умершая женщина пришла накормить своего ребенка и ушла, не сделав людям ничего плохого. Вообще, вся эта быличка о встрече с «ходячим покойником» походит на оду материнской любви, для которой и смерть не препятствие, тогда как в других вариантах того же мотива из Восточной Сибири умершая мать приходит ночью искупать своих маленьких детей – этот контакт со сверхъес-

тественным опасен для самих детей («Аж замыла детей, они такие худенькие стали»).

Наряду со сменой глагольных форм, повествователи используют целый ряд других средств, чтобы обозначить присутствие сверхъестественного. Например, один из характерных признаков перехода из «обычного» состояния в необычное представляют собой наречия: «одједном», «изненада» в сербских быличках и «вдруг» у русских, а также синтагмы типа: «Кад одједном», «Кад оно», «Кад ето ти», в сербских текстах или «И вот...» в русских. Очень часто ни в сербских, ни в русских быличках мифическое существо не именуется. О его присутствии чаще всего свидетельствует одно единственное слово в повествовании – сравнительный союз «као» («как будто»). Все как обычно, но о том, что необычный шум в доме среди ночи происходит из неестественного источника, свидетельствует именно это «као». И этого достаточно, чтобы носитель традиционной культуры сразу понял, о чем идет речь.

Детальный анализ повествовательных средств, с помощью которых в быличке обозначается появление сверхъестественного, мог бы быть очень важен для точного определения жанра. Факт, что быличка – это всегда рассказ о демоническом существе, и это существо в ней присутствует даже в случае своей формальной непредставленности, даже тогда, когда оно только обозначено с помощью «као». Но почему эти былички и далее настолько живы в народной традиции в эпоху научных достижений? Рассказывают ли их главным образом ради подтверждения верования или, напротив, чтобы человек преодолел свой страх? Кто главный герой былички? Демон или человек? Или, теряя постепенно живую связь с верой в мифологическое существо, былички рассказываются прежде всего благодаря своей эстетической функции, оставляя рассказчику довольно широкие возможности для проявления индивидуального таланта?

Л и т е р а т у р а

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения восточной Сибири. Новосибирск, 1987.

Котельникова Н. Е. Роль рассказчика в быличках: традиционное и индивидуальное в быличках о колдунах-оборотнях // *Художественный мир традиционной культуры: Сб. статей к 75-летию В. Г. Смолицкого.* М., 2001.

Самариџа С. Поетика усмених прозних облика. Београд, 1997.

Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды русского Севера. СПб., 1996.